Приложение к № 14 газеты «Великолукская правда»

ВЕЛИКОЛУКСКАЯ СВЕЧА ПРЕПОДОБНОГО МАРТИРИЯ

(Продолжение. Начало в № 252 от 28.12.2023 г.)

Также при Полиевкте в 1857 году надстраиваются братские кельи, составляющие часть западной ограды. Сегодня от этих построек 1757 и 1857 гг. остались только стены первого этажа. В них еще угадывается старинная кладка и облик утраченного здания.

В 1860 году о. Полиевкт покидает великолукскую обитель и становится настоятелем Спасо-Елеазаровского монастыря и членом Псковской духовной консистории.

На пороге нового столетия в Сергиевском монастыре поселяется известный подвижник – старец Антоний, в миру Алексей Пименов. Он был крепостным крестьянином великолукской помещицы Софьи Андреевны Лавровой. Родители его – Пимен Тимофеев и Анна Антониевна. Точное место и дата рождения Алексея неизвестны. Указывается, что он был крещен в Горожанской церкви в 1828–1829 гг., а местом его рождения можно считать одно из селений, принадлежащих помещикам Лавровым.

Схимонах Антоний (Пименов)

Вероятнее всего, это была деревня Усадище Великолукского уезда, потому что семейство Пимена Тимофеева поселилось там именно в 1830 году.

С малых лет Алексей ощутил потребность в молитве. Он любил посещать храм, избегал игр со сверстниками, нередко уединялся в лесу, находя утешение в общении с Богом. В 1859 году, достигнув зрелого возраста (ему было 30 лет), Алексей Пименов просил у своих помещиков разрешения отправиться на богомолье, но согласия не получил. Однако его сильно влекло поклониться святым местам, у него стало обнаруживаться непреодолимое желание к благочестивому странствию. Без паспорта, без денег, ночью вышел он из родного села и направился прежде всего в Нилову пустынь (близ Осташкова). С этого времени началось паломничество и подвижничество великолукского крестьянина. Помолясь преподобному Нилу Столобенскому, Алексей Пименов направил путь свой к чудотворной иконе Царицы Небесной Тихвинской (г. Тихвин) и, поклонясь ей, к Реконьскому пустынножителю Амфилохию.

Старец посоветовал ему отправиться в Зеленецкую пустынь к архимандриту Викентию. Получив там необходимые и душеполезные наставления, Алексей посещает Валаам, Александро-Свирский и Соловецкий монастыри. На обратном пути странника задерживают за отсутствие документов и отправляют в Архангельск, где он проводит целый год в заключении. После этого были паломничества в Киев, Новый Иерусалим и другие святые обители. Какое-то время подвижник живет в окрестностях Ниловой пустыни и возле деревни Борки. Однако в 1865 году чудесным образом ему указывается место будущего подвига, недалеко от д. Зенцово на реке Демьянке, в месте, называемом Круча (Крюча). Здесь он терпит множество скорбей и искушений от видимых и невидимых врагов. Но очень скоро к Алексею начинают приходить люди за молитвенной помощью, духовным советом и даже исцелением.

Действительно, в уединении Алексей Пименов, или, как называли его люди, трудник Алексей, вел жизнь подвижническую. Большую часть времени посвящал келейному правилу, чтению священных книг, выделке деревянных крестов разных размеров, которые сам раскрашивал и раздавал посетителям.

В 1883 году на собранные подаяния праведник строит деревянную часовню в честь Тихвинской иконы Божией Матери. Пожертвования ему делали тайно, поскольку сам он ничего не просил.

Желая принять монашество, Алексей Пименов сначала отправился в Никандрову пустынь (Порховский уезд), но 20 января 1890 года с архипастырского благословения Преосвященного Гермогена Псковского трудник перешел в Великолукский Троице-Сергиев монастырь, где 21 февраля того же года принял монашеский чин с именем Антоний, а 6 февраля 1892 года – великую схиму.

Первое время по поступлении в обитель он жил в отведенной ему келье, а затем, с разрешения настоятеля отца Ионы, Антоний устроил на свои средства деревянную келью, в которой и проживал до смерти с прислуживавшей у него слепой женщиной Стефанией, уроженкой Невельского уезда. Во время пребывания в монастыре схимонах вел жизнь уединенную: ссылаясь на болезнь и слабое здоровье и не исполняя никаких послушаний, он очень редко выходил из своей кельи, также редко бывал в церкви, совершая молитвы дома; окна его кельи были всегда занавешены. Как он проводил время, монастырская братия не видела. Антония считали хотя за благочестивого, тем не менее – за простого и неразвитого человека и особого почтения к нему не испытывали. Между тем читать он выучился сам, хорошо знал Священное Писание и Псалтырь.

В обитель к старцу приходили посетители, которые давали ему добровольные приношения маслом, свечами, просфорами, сухариками и деньгами; но число посетителей было уже не столь значительно, как прежде. По многочисленным отзывам, схимонах Антоний был человек кроткого, миролюбивого и уступчивого характера; отличаясь высшей добротой, он не отказывал никому в преподании доброго совета, наставлял всех жить в мире и любви, вразумлял порочных, примирял враждующих.

Скончался подвижник в 6 часов утра 21 февраля 1893 года. Литургию в день погребения совершал протоиерей Иоанн Соловской соборно с братией обители, а отпевание тела – при участии всех градских священников и при большом стечении народа. Погребен схимонах Антоний в монастырской ограде с правой стороны, против зимней церкви. На могиле его поставлен почитателями старца памятник с родовой иконой Пименова и лампадой; при памятнике находилась одно время кружка для сбора пожертвований на устройство церкви при деревне Зенцово (Дроздовская волость Великолукского уезда). В памяти народной трудник Алексей остался прозорливцем, предвидевшим и предсказывавшим будущее.

Следует сказать о том, что старец оставил и духовных наследников. Их настоящее число неизвестно, однако мы достоверно знаем, что Антоний благословил на иноческий путь своего ближайшего ученика – Нила (Крючского), который также прославился благочестивой и богоугодной жизнью. Его могила находится неподалеку от села Миритиницы Локнянского района Псковской области, на берегу речки Демьянки, в урочище Крюки (Крючки).

ДРУГ ПАТРИАРХА ТИХОНА

Традицию подвижнического служения в монастыре продолжает игумен Аркадий, в миру Андрей Яковлевич Чанк. Будущий настоятель родился 6 августа 1848 года в семье крестьян Псковской губернии Печерской волости. С 12 лет у Андрея «появилось желание поступить на военную службу в солдаты», стать защитником Отечества, но, когда он подрос, пришлось заниматься столярным и токарным ремеслом. И вдруг в самый расцвет молодости, в 22 года, Андрей решил оставить мирскую жизнь, стать послушником, а затем иноком и провести жизнь в монастырях Псковской епархии.

В феврале 1894 года отец Аркадий переводится из Псково-Печерской обители на должность настоятеля Великолукского мужского монастыря. Прежде всего, он стал заботиться о хозяйственной деятельности, пытался привлекать пожертвования. Благодаря помощи жителей Пскова, Острова, братии Псково-Печерского монастыря, в великолукской обители удалось открыть удешевленную продажу книг религиозно-нравственного содержания, а также святых икон, священных картин, портретов царствующего дома и всеми уважаемого пастыря о. Иоанна Кронштадтского.

Новый игумен и сам был активным жертвователем, поскольку состоял в ряде благотворительных организаций: Псковском братстве Кирилла и Мефодия, Псковском отделе Императорского Палестинского общества, также регулярно уделял средства на содержание Псковского женского училища и церковно-приходских школ епархии. Одна из них была открыта при Троице-Сергиевом монастыре в 1897 году. В этом учебном заведении в разные годы работали представители многих известных фамилий: Василий и Николай Десницкие, Алексей Андреевич Алексеев, о. Пётр Нечаев.

Отец Аркадий был весьма деятельным и авторитетным руководителем. Не случайно в официальных рапортах отмечалось, что монастырь, недавно страдавший и недостатком средств, и «упадком жизни религиозно-нравственной, в настоящее время благодаря многополезной и усердной деятельности настоятеля Аркадия весьма улучшился во всех отношениях…». Также в записи благочинного игумена Ювеналия упоминалось: «Мужские монастыри Псковской епархии не выделяются строгостью жизни и исполнением монастырского устава… исключение составляет Великолукский Сергиев монастырь, где настоятель игумен Аркадий. Вследствие его личного трудолюбия и хозяйственной опытности, монастырь извлекает выгоды из своего огородного и полевого хозяйства – сбывает в город овощи и клевер…».

Известно, что к началу XX века монастырь продолжал распоряжаться пахотными луговыми землями, однако братия не занималась их обработкой. В основном прибыль приносила аренда. Также обитель имела вклады и ценные бумаги: «непрерывно-доходных билетов на сумму 10 504 руб. Хранятся в монастырском сундуке за ключами и печатью монастыря, по ним получаются проценты из Великолукского уездного Казначейства, ассигнации в билетах на сумму 21 950 руб. четырехпроцентной государственной ренты, хранятся в Государственном Банке, откуда и получаются проценты».

Заботясь о монастыре, настоятель крайне ответственно подходил к вопросам дисциплины. Пытаясь всячески оградить вверенную ему обитель от случайных и нежелательных для монастыря священников, он поддерживал тех, кого считал достойными монашеского звания. Так, с января 1896 года о. Аркадий начинает регулярно обращаться к епархиальному начальству с про-

о. Аркадий (Чанк)

сьбой о срочном пострижении послушника Василия Сигорицкого, который должен был занять вакантное место иеродиакона.

Сразу видно, что он хорошо знал будущего инока и готов был поручиться за него. Сам Василий происходил из семьи псаломщика пог. Колпина Псковского уезда, 8 лет он провел в Псково-Печерском монастыре под непосредственным руководством о. Аркадия, который и забрал его с собой в Великие Луки. Со временем молодой послушник стал помогать настоятелю вести дела по Великолукскому свечному складу.

Церковные власти не шли навстречу и отказывали настоятелю в его просьбе, однако, благодаря настойчивости игумена, в октябре 1897 года В. Сигорицкий все же принял постриг с именем Димитрий.

Также, благодаря одному из рапортов о. Аркадия, мы имеем возможность совершить небольшую экскурсию по жилым помещениям Сергиевской обители конца XIX века: «На верхнем этаже братского корпуса располагаются 5 келий, все они заняты старшей братией. Внизу помещается братская кухня с трапезою и 2 кельи, где живут 5 послушников и пономарь. В малом одноэтажном корпусе при Тихвинской церкви помещается уездный свечной склад и здесь же имеются 2 кельи, в одной живет иеромонах Савва с послушником, а в другой – ночной сторож, кучер и чернорабочий.

Имеется еще малая деревянная келья, в которой жил схимонах Антоний, после него – заштатный священник Иаков Смирнов, а затем, послушник Павел Федорович Гарбузов. Также это помещение служило приютом для некоторых приезжающих богомольцев».

Безусловно, с периодом наместничества о. Аркадия связаны и по-настоящему знаковые события. В 1896 году Русская Православная Церковь канонизировала Святителя Феодосия, архиепископа Черниговского, который положил много трудов на возрождение храмов и монастырей в Малоросии. Перед нами пример удивительного сочетания в одном человеке смелой, деятельной натуры, и подвижничества в строгой иноческой жизни.

Уже в 1899 году в храме Живоначальной Троицы великолукского мужского монастыря о. Аркадий устраивает новый придел – в честь недавно прославленного святого Феодосия. Примечательно, что главный храмовый образ был отправлен в Чернигов для освящения местным епископом Антонием. На обратном пути в Великие Луки икона была специально оставлена в церкви погоста Купуй, что в 13 верстах от города. Там 30 мая игумен Троице-Сергиева монастыря встретил крестный ход с образом Успения Божией Матери, именуемой Колюбякской, из Великих Лук и отслужил всенощное бдение. На следующий день после церковной службы икона Феодосия продолжила свой путь в Великие Луки.

(Продолжение на стр. 6, 7, 8)

ВЕЛИКОЛУКСКАЯ СВЕЧА ПРЕПОДОБНОГО МАРТИРИЯ

(Продолжение. Начало на стр. 5)

Вот как описывал это знаменательное событие священник Михаил Кляровский: «Тысячи народа, провожавшего Колюбякский крестный ход в Купуй, обратно сопровождали икону святителя Феодосия до города; а городские жители, предупрежденные объявлением о принесении иконы, рано утром 31 мая толпами спешили на встречу, и скоро весь путь от города до Купуя покрылся богомольцами. <…> После осенения св. крестом, икона, при неумолкаемом звоне во всех городских церквях, направилась через город в Троице-Сергиев монастырь; народ длинной вереницей подходил под нее. Порядок был образцовый, благодаря присутствию конной и пешей полиции. Проходя через город, о. игумен делал осенения св. крестом перед часовней Александра Невского, перед Покровской и Входоиерусалимской церквями, а перед входом в монастырь произнес речь соответствующего случаю содержания. После этого монастырская братия приняла дорогого гостя под покров св. храма, и началось всенощное бдение, в служении которого приняли участие и некоторые городские священники и дьяконы. <…> Торжество это редкое в Великих Луках, а в монастыре небывалое и в то же время умилительно-трогательное для всех православных». Икона святителя в серебряной ризе с позолотой была помещена в иконостасе главного монастырского храма, а сам придел был освящен епископом Псковским и Порховским Антонином 30 августа 1899 года.

Таким образом, к началу XX века главная церковь монастыря имела уже три придела: во имя Живоначальной Троицы, преподобного Сергия Радонежского и Святителя Феодосия Черниговского. В первой церкви богослужение совершалось со Страстной седмицы до праздника Покрова Богородицы, во втором – в зимнее время, поскольку он не отапливался. В третьем – каждое воскресенье, а по праздникам служилась ранняя литургия. Остальные храмы монастыря освящались соборной молитвой только в дни престольных праздников.

Уникальное описание одного из таких торжеств сохранили для нас «Псковские Епархиальные Ведомости». Это был день памяти преподобного Сергия Радонежского 25 сентября 1913 года. Вот что об этом событии писал очевидец: «накануне этого дня, в 5 часов вечера, начался звон к малой вечерне, а в 6 часов ко всенощному бдению. Еще до звона народ вереницей шел в святую обитель, которая, благодаря неусыпным заботам о. архимандрита Аркадия, приведена в надлежащий вид. Всенощное бдение совершалось соборно: нарочно прибывшими священниками погостов: Жижицы о. Николаем Алмазовым, Знаменского о. Сергием Никифоровским и тремя дьяконами: А. Лутцо, А. Алмазовым и местным, во главе с о. Настоятелем. После второй кафизмы о. Алмазов сказал народу слово, в котором рассказал молящимся жизнь преподобного Сергия, из которой вывел подобающее нравоучение. Во время елеопомазания раздавался мелкими частицами благословенный хлеб. В 9½ часов вечера окончилось бдение.

На другой день, в 5 часов утра, был благовест к ранней литургии, за которой многие приобщались Св. Таин. Поздняя литургия, предваренная молебнами, была совершена также соборно. Как во время совершения всенощного бдения, так и литургии пел свой монастырский хор, содержимый на скудные средства монастыря. Стройное, выразительное и благоговейное пение невольно проникали в душу молящихся. По окончании литургии и обычного многолетия, радушный о. архимандрит пригласил всех сослуживцев, певчих и некоторых благотворителей в свои покои, где была предложена скромная монастырская трапеза».

Для нас личность отца Аркадия интересна еще и тем, что он состоял в переписке с архиепископом Тихоном – будущим Святейшим Патриархом, который уважительно и очень трепетно относился к великолукскому игумену. Приведем фрагмент одного из сохранившихся писем: «Достопочтенный о. Архимандрит! Приветствую Вас со светлым праздником Христова воскресения… радость – Христос да сподобит и вас праздновать Яго св. Пасху в радости и добром здравии… Трудно Вам при болезни управлять монастырем. Но в случае отъезда Вашего, кто ж будет заниматься постройкой вокзальной церкви? Самое лучшее, если бы у Вас был хороший помощник по монастырю, так чтобы Вам самому всего не делать, а поручать текущие и мелкие дела ему. Тогда бы не было нужды и уходить на покой. Да и легко ли уходить, прожив в Луках 23 года! Мой пасхальный привет братии Вашей обители, призывая на Вас Божие благословение. Остаюсь Ваш покорный слуга. А. Тихон. 7 апреля 1916 года. Невская Лавра».

Вскоре о. Аркадий по личной просьбе был переведен в Псково-Печерский Свято-Успенский монастырь, где и преставился о Господе в 1926 году.

Хочется, однако, сделать отступление и в качестве заключения выразить общее впечатление об историческом периоде, с которым связано имя настоятеля о. Аркадия. Несмотря на самоотверженное служение этого подвижника, мужской монастырь в Великих Луках так и не стал символом духовного возрождения и процветания. На его фоне выделялись более крупные обители Псковской епархии: Печерский и Святогорский монастыри, Никандрова Пустынь. Даже Великолукская женская обитель отличалась большим штатом и возможностями для благотворительности. Например, взносы от Вознесенского женского монастыря на содержание церковно-приходских школ епархии в 1911 году превышали поступления от Сергиевского монастыря более чем в 2 раза.

Вспомним, с каким воодушевлением о. Аркадий писал об открытии церковной лавки в монастыре, когда стал игуменом, и как сухо звучал его отчет в 1916 году: «Для продажи приходящим в обитель книг нет, да они никогда никем и не требуются».

В России назревали большие перемены, которые сопровождались весьма неоднозначным отношением людей к Церкви. Сначала местные издания обвиняли простое население в невежестве, но после событий 1905 года риторика несколько изменилась. Не случайно в это время К. Михайлов писал: «Пока еще не поздно… Духовенство, мы уверены, еще может восстановить утерянный авторитет и вернуть утраченное влияние, *если* воспользуется настоящим историческим моментом, когда народ выбирает себе вождей и производит им оценку, чтобы потом *всецело* вручить им свою судьбу. Пусть же пастыри с огненной энергией возьмутся за пастырско-просветительскую работу на *пользу народа*. Пусть они, не зная отдыха, наставляют пасомых не только в вере, но и научают их *человеческому* житию».

В целом, тема кризиса Русской Православной Церкви – сложная и даже болезненная. Изучая публикации начала XX века, вдохновляешься самоотверженностью многих представителей провинциального духовенства и, в то же время, невольно ощущаешь их беспомощность перед лицом грядущих социальных потрясений.

В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ

«Как одиноко и пусто в храме, из которого вынесены иконы святых, знаменующие их благодатное присутствие. Вместе с этими голыми стенами обнажается и наша бедная душа»

Протоиерей Сергий Булгаков

События 1917 года и Гражданская война изменили вектор духовного развития общества. Варварское отношение новой власти к ценностям традиционной, в том числе православной культуры, разрушило преемственность поколений и оставило незаживающую рану на теле нашей истории.

В рамках новой политической реальности даже прежние заслуги Церкви ставились под сомнение и быстро забывались. На первый план выходили отрицательные черты церковного устройства и подозрительное отношение к любым проявлениям религиозной свободы.

В начале XX века в нашем городе, как известно, находилось два монастыря – Вознесенский и Троице-Сергиевский. В циркуляре Президиума Великолукского уездисполкома от 13 июля 1920 года говорилось: «… необходимо принять самые срочные и действительные меры к наилучшему использованию монастырей со всеми прилегающими к нему постройками, службами и хозяйствами». По мнению Уездной Комиссии особого назначения, эти «вертепы ослепления трудового народа» требовалось использовать для нужд населения: Вознесенский оказался удобен для размещения детской колонии, а Сергиевский – «для целей здравотдела». Дата окончательного закрытия Сергиевской обители неизвестна. Очевидно, что этот процесс был достаточно долгим. Великолукский краевед Т.М. Андреева указывает, что оба монастыря были закрыты в 1918 году и помещения их муниципализированы. Но их церкви в этот период еще продолжали действовать, поэтому монашествующие могли совершать службы. Из описания монастыря 1919–1920 гг. следует, что все помещения были заняты «хозяйственной командой Великолукского уезда узла обороны, красноармейцами и беженцами». Впоследствии мы узнаем, что речь не шла о церковных зданиях, поскольку в это время даже был организован крестный ход в память открытия мощей преподобного Сергия Радонежского.

С 1918 по 1923 год проводится опись и конфискация имущества Троице-Сергиева монастыря. В результате обыска, который проходил 6 февраля 1919 года, в Иоанно-Предтеченской церкви были найдены «нагроможденные ящики существом из г. Вильно…». Опираясь на документальные свидетельства, историки сходятся во мнении, что речь шла об архиве Патриарха Тихона. К сожалению, на сегодняшний день эти документы считаются утраченными.

Возникает вопрос, каким образом архив мог оказаться в нашем городе? Дело в том, что будущий Предстоятель Русской Церкви накануне Первой Мировой войны служил в Литовской епархии, и есть мнение, что ряд ценных документов, некоторые святыни и личная переписка могли быть эвакуированы из г. Вильно к о. Аркадию в небольшой Сергиевский монастырь – место весьма неприметное и потому надежное. На эту мысль наводит ряд совпадений. Прежде всего, приведем сведения Комиссии особого назначения Великолукского уревкома: «…на некоторых альбомах и портретах есть надписи, что они адресованы архиепископу Тихону (ныне патриарху), в числе икон есть одна, с надписью на его имя от «Союза Русского Народа», один ящик домашней переписки с начала 1904 года (направление переписки вредное для трудового класса)…».

Позже в рапорте Великолукскому уисполкому сообщалось, что среди имущества из г. Вильно «…имеется архив, который составляет книги религиозного содержания, около 500 штук, и письма на имя архиепископа Виленского и Литовского Тихона (ныне гражданина Беллавина), среди них встречаются и некоторые документы на его имя. Большую часть составляет переписка с епископами, миссионерами и другими служителями церкви, а остальное – переписка с родственниками, знакомыми, монашками и прочими <…> писем и документов имелось около 7-8 пудов…».

О важности находок в Предтеченском храме говорит и заявление членов монастырской общины из Сергиевской Слободы от 11 октября 1920 года: «В Великолуцком Троице-Сергиевом монастыре находились на хранении принадлежащие Виленскому собору и монастырю Св. Духа в городе Вильне и присланные в город Луки при эвакуации в 1915 году из Вильны вещи. В августе сего года ящики с означенными вещами были взяты Представителями Великолукского ревкома и часть из них взята в Ревком…».

По-видимому, прихожане хотели спасти не только личные вещи Патриарха, но и гробницу святых Виленских мучеников (Антония, Иоанна и Евстафия). Великолукский историк Н.С. Новиков выяснил, что раку с мощами вернули в Свято-Духов монастырь только в 1946 году, а где они находились до этого – неизвестно.

Судьбу остального монастырского имущества, как и архива Патриарха Тихона, проследить крайне трудно. Как свидетельствуют документы, одна часть вещей была попросту разворована, а другая – использовалась для нужд городских организаций и населения. Так, например, в 1921 году представители Псковского губисполкома разрешили передать церковные книги, иконы и парчовое облачение местным Церковным Советам, а черное одеяние и остальной материал было решено использовать на пошив одежды для детей из голодающего Поволжья.

Для передачи оставшихся предметов из Троице-Сергиева монастыря в Чрезвычайную комиссию 8 мая 1923 года был составлен очередной акт осмотра. Примечательно, что заведующий городским музеем В.И. Лобанов-Сибиряк просил передать ему некоторые предметы для экспозиции. Предлагалось сохранить 57 наименований. В заявленный перечень входили: фрагменты облачения, часть церковной утвари, обувь, было даже постельное белье и куски ткани. В акте указывались и весьма ценные для истории вещи: икона Божией Матери в богатой раме и ризе, украшенной бисером и камнями стоимостью 20 руб., резная икона на кипарисе, плащаница с 15 камнями стоимостью 100 руб., но самое главное – это полный ящик с различными бумагами и письмами на имя Тихона (стоимость не указана. – О.Я., С.П.). Однако директор великолукского музея наверняка знал истинную ценность этих документов. Видимо, запрашивая общий список, в котором реликвии перемежались с дешевой тканью и посудой, Лобанов-Сибиряк старался не привлекать внимания к отдельным святыням и архиву Патриарха.

Эту версию можно подвергнуть сомнению, если не знать биографии заведующего краеведческим музеем. Владимир Исидорович Лобанов-Сибиряк родился в Тобольской губернии в 1885 г., учился в Народном политехническом техникуме на электрическом отделении, участвовал в Первой мировой войне в качестве рядового Ковенского военно-крепостного телеграфа. После октябрьской революции 1917 г. вступил в Красную армию и был направлен на службу в Псковскую губернскую чрезвычайную комиссию, а весной 1920 года В.И. Лобанов-Сибиряк становится заведующим уездным музем им. Воровского в Великих Луках.

При новом директоре активизируется научно-просветительская работа: читаются лекции по геологии, географии, астрономии, по истории культуры, нумизматике и краеведению, открывается музейная школа и создается краеведческое общество. На протяжении многих лет Владимир Исидорович отстаивал право городского музея на существование. Сначала он боролся за здание рядом с Троицкой церковью на Базарной площади, которое нуждалось в капитальном ремонте. В результате помещение было отремонтировано и отдано под общежитие для сотрудников милиции. Это решение показало безразличие местных властей к историко-культурному наследию и науке. В ответ на настойчивые требования неутомимого директора Президиум горсовета во главе с Г.И. Кобозевым отвел для музея верхний этаж бывшего Воскресенского собора – абсолютно не приспособленное место. Хотя директор музея предлагал два варианта: бывшую Покровскую церковь – для основной экспозиции, и Михайловскую – для церковной старины. Скорее всего, это была очередная хитрость с целью сохранить городские памятники архитектуры. «Я бы не стоял за церковь, если бы она не представляла действительно громадной художественно-краеведческой ценности», - писал В.И. Лобанов-Сибиряк.

В августе 1923 года в Великих Луках было организовано собрание духовенства и мирян. На нем обсуждалось последнее законодательство РСФСР, которое, фактически, отдавало монастыри на откуп местным властям. Последние могли использовать любые здания, в том числе и церкви, по своему усмотрению, но в интересах трудящихся. В частности, указывалось, что «открытие бывших бесприходных храмов в монастырях, занятых совучреждениями, всецело зависит от местной соввласти, которая должна, конечно, принять во внимание необходимость удовлетворить в прежних размерах существующую потребность в религиозных обрядах той или иной значительной группы населения».

Так начиналась борьба за монастырские храмы. На городском собрании было принято достаточно смелое решение: «Оставаясь истинными православными христианами, мы приветствуем существование среди нас монастырей и надеемся, что они будут служить для нас примером религиозно-нравственной жизни. Командируемым в Москву делегатам поручаем относительно монастырей переговорить с Патриархом Тихоном и если возможно возсудить ходатайство (ходатайствовать. – О.Я., С.П.) перед Центральными и местными властями о их сохранении». Однако местные чиновники делали все, чтобы пресечь религиозную деятельность великолукских монастырей и ликвидировать эти символы духовного подвижничества. Освободившиеся помещения предлагалось отдать «…под культурно-просветительные учреждения и другие организации», также было мнение, что закрытие храмов заставит монахов «…взяться за коллективный труд, отбросив в сторону религиозный дурман».

Сначала в Сергиевском монастыре размещают две колонии для призреваемых престарелых граждан и инвалидов – имени Лещева (на 40 человек) и имени Урицкого (на 60 человек), также на территории существовала латышская коммуна «Безбожник». При этом запросы новых хозяев постоянно росли. В частности, сообщалось, что «призреваемые не имеют помещения, где могли бы вести культурно-просветительскую работу, так и коллективизировать свой труд путем организации мастерских. Монахи ведут агитацию. <…> Церковный звон вредно действует на их расшатанные нервы». В ответ президиум Уисполкома окончательно отделяет монашествующих от колоний путем строительства глухой стены, изолирующей церковь от колокольни, а псковский губисполком постановил: «Учитывая потребность в помещении для оборудования объединенного рабочего клуба, а также наличие других храмов, церкви б. Сергиевского и Вознесенского монастырей закрыть …».

Местные власти действовали достаточно жестко, не разбираясь в деталях и условностях. Из Москвы даже последовало

ВЕЛИКОЛУКСКАЯ СВЕЧА ПРЕПОДОБНОГО МАРТИРИЯ

замечание: «Если церковный звон вредно влияет на Заведующего колонией «им. Лещева», то УИКом могли были быть приняты меры к урегулированию церковного звона вместо того, чтобы прибегать к такой серьезной мере, как закрытие храмов, обслуживающих местное крестьянское население».

На деле, все рассуждения об организации творческой и трудовой жизни в новых коммунах зачастую наталкивались на суровую действительность послереволюционной России. Следует отметить, что и организация богадельни «Урицкого» в стенах бывшего монастыря не стала успешным предприятием. При ее обследовании в декабре 1922 года комиссия сделала весьма неутешительные выводы: «какой-либо серьезной работы призреваемым дать нельзя, так как абсолютное большинство призреваемых состоит из стариков, абсолютно не пригодных к какой-либо физической работе за исключением некоторых, которым можно дать незначительную работу в виде плетения лаптей, вязания чулок и пряжи шерсти.

Введение этого трудового процесса возможно и необходимо не как доходная статья для дома призрения, а как мера, до известной степени скрашивающая неприглядное существование призреваемых, так как общая продуктивность работы призреваемых очень незначительна и не дает особой прибыли дому призрения. <…> Содержание призреваемых находилось к моменту обследования в абсолютно недопустимых условиях».

Очевидно, что лишь активность верующих и бюрократические формальности позволяли выиграть время и отложить закрытие храмов. Напрасно власть указывала на безразличное отношение местного населения к монастырям. На заседаниях Губернских комиссий иногда учитывались просьбы прихожан и даже были попытки найти компромиссные решения по отдельным незначительным вопросам, но формально монастырские храмы не были приходскими, поэтому они подлежали закрытию в первую очередь. Этим воспользовалась новая власть, когда определила, что для отправления религиозных культов в городе есть все условия, и поэтому монастырь должен быть закрыт.

Изучив архивные документы, можно сказать, что Великолукский Троице-Сергиев монастырь окончательно перестал существовать к началу 1925 года. Ранее, в ноябре 1924-го, местной Комиссии по ликвидации церковного имущества предписывалось передать архивы уже закрытых церквей и монастырей в ведение уездного архива, а в протоколе заседания губисполкома от 28 января 1925 года сообщалось, что «…на бывшей монастырской территории расположены в настоящее время советские общественные и красноармейские организации, чрезвычайно заинтересованные в закрытии монастырских церквей».

Однако, начиная с февраля, и вплоть до июня 1925 года следует перечень отказов по заявлениям Церковного Совета Вознесенско-Казанской церкви и граждан Сергиевской Слободы в отношении открытия монастырских храмов. По-видимому, на этот раз, верующих действительно лишили всякой возможности посещать древние обители. На их глазах снимались колокола, разворовывалось церковное имущество и попирались святыни.

Одну из последних попыток отстоять великолукские монастыри предпринимает уже известный нам В.И. Лобанов-Сибиряк. 27 июня 1925 г. представители уездной милиции вместе с заведующим музеем обследовали старинные здания и пришли к следующему выводу: «…как быв. Вознесенский, так и Сергиевский монастырь исторического значения не имеют, но для музейных целей, заслуживают сбережения нижеследующие детали: в Сергиевском монастыре – в главной его церкви должен быть сохранен ансамбль иконостаса, фреска-портрет Екатерины II, в надворотной церкви – желательно сохранить роспись стен, в левой придельной церкви желательно сохранить внешний вид. В бывшем Вознесенском монастыре для музейной цели никаких деталей, заслуживающих сохранения не обнаружено».

Перед нами настоящий энтузиаст своего дела и подвижник. Как и все увлеченные люди, В.И. Лобанов-Сибиряк был отчасти наивен, полагая, что новая власть позволит ему сохранить символы православной веры. Напротив, действия местных чиновников представляли собой неоправданный формализм и варварство, которые обернулись утратой ценнейших исторических документов и уникальных образцов православной культуры. Хотя отдельные святыни все же передавали в экспозицию музея, но и здесь краеведам приходилось вести неусыпную борьбу с невежеством. Известно, что часть икон из Воскресенского собора в крепости числилась за музеем. В то же время возмущенный Владимир Исидорович обращался к столичным коллегам: «имеет ли право зав. музеем как уполномоченный по охране старины и искусства запрещать впредь до решения Главнауки ломку и разборку иконостаса и каким порядком это его запрещение должно проводиться в жизнь?»

К августу 1925 года все придельные церкви бывшего Сергиевского монастыря были предоставлены военкомату, а имущество перенесено в главный храм, но вскоре последовало решение о том, чтобы освободить и это помещение. Священнические облачения и мебель предлагалось отправить на специальный склад, а иконы раздать обществам верующих по описи. При этом музею были переданы: вериги в (количестве 3 шт.) и власяница (предположительно, старца Боголепа. – О.Я., С.П.), металлическая кропильница, фигура Нила Столобенского, кувшин-умывальник и деревянный ларец XVIII века.

К весне 1926 года в помещении главного храма великолукского Троице-Сергиева монастыря был размещен уездный архив. При осмотре церковных зданий удалось обнаружить архивный материал бывшей канцелярии и библиотеки монастыря весом приблизительно в 5 пудов. К сожалению, судьба этих документов осталась неизвестной. Циркуляром Псковского ГИКа от 14 апреля 1926 года предписывалось: «Книг и рукописи, кроме тех, которые Губархивом и Музеем будут отобраны в их фонды, взять на учет по весу и по возможности сконцентрировать в одном месте до особого распоряжения». По-видимому, какая-то часть бумаг все же попала в архивные фонды, однако, в целом, потери от политики «ликвидации предметов религиозного культа» оказались куда более существенными.

На этом фоне личность В.И. Лобанова-Сибиряка представляется интересной и крайне значимой для истории нашего города, несмотря на то, что его имя оказалось незаслуженно забыто на долгие годы. И пусть сегодня мы не имеем возможности прикоснуться к древним святыням Троице-Сергиева монастыря, но важно помнить, что в свое время этот замечательный, смелый человек, жертвуя репутацией, здоровьем и личным благополучием, по крупицам собирал фрагменты православной культуры нашего края.

Достаточно вспомнить, что даже весной 1930 года, когда великолукские монастыри и церкви были разорены, В.И. Лобанов-Сибиряк не оставлял отчаянных попыток привлечь внимание к сохранению культурных ценностей. Он пишет письмо в Государственный Эрмитаж, Реставрационную мастерскую Академии материальной культуры (г. Ленинград), Смоленский областной музей и Государственный музей Пскова, в котором просит помощи у своих авторитетных коллег: «Дорогие товарищи! В связи с происходящим по постановлениям общин верующих, закрытием церквей и согласно декрета обязательного участия в этой работе представителей музеев округа, на руках у последних скопилось известное количество предметов культа, имеющих признаки их исторической и художественной ценности, как то: иконы древнего письма, картины, богослужебные книги, предметы религиозного обихода, люстры, резьба и прочее.

Считаясь с тем, что без специальных познаний установка их подлинности на месте невозможна, как за отсутствием специальной литературы, так и квалифицированных знатоков этой отрасли, а целевая установка музеев округа на практическое краеведение делает их хранение в местных музеях неудобным по многим причинам, очень желательна была бы командировка от Вас специалиста по церковной живописи и иконописи с целью отбора подлинников и лучших образцов для передачи Великолукскому Музею, как имеющему уклон в сторону хранения старины».

Мы не можем знать наверняка, но, вероятно, именно благодаря этому письму наш город посетила столичная делегация под руководством знаменитого искусствоведа и реставратора, графа Юрия Александровича Олсуфьева (1878–1938). В советское время он работал в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры, реставрационных мастерских И.Э. Грабаря, сотрудничал с П. Флоренским и А.В. Щусевым.

Супруга ученого, Софья Владимировна Олсуфьева, происходила из знатного дворянского рода Глебовых-Стрешневых. После замужества стала активно заниматься просветительской и благотворительной деятельностью. Именно ее в свое время изобразил художник Валентин Серов в образе хрупкой женщины, которая греет озябшие руки у печи.

Интересуясь живописью, графиня Олсуфьева всецело разделяла любовь мужа к искусству и, более того, нередко сопровождала Юрия Александровича в длительных командировках. Достаточно сказать, что во время Первой Мировой войны она решилась на поездку в Закавказье, где помогала заниматься организацией госпиталей. Несмотря на пристальное внимание и давление со стороны органов безопасности, семья Олсуфьевых ведет активную работу по изучению историко-культурного наследия Пскова, Новгорода, Старой Руссы, Смоленска и других городов.

В июне 1933 года сотрудники Реставрационных мастерских И.Э. Грабаря отправляются в командировку, чтобы выделить памятники станковой живописи, подлежащие охране государства. Маршрут проходил через Торжок, Торопец, Ржев, Старицу и Великие Луки. Дневник этой поездки хранится в архиве Третьяковской галереи и содержит весьма любопытную информацию. Прежде всего, мы узнаем, что комиссия задержалась в нашем городе всего на один день. Была организована встреча с новым директором уездного музея – К.Д. Серебрянниковым, но, к сожалению, экспозиция не впечатлила столичных гостей. Тем не менее Ю.А. Олсуфьев отметил разнообразие городских архитектурных памятников: торговые ряды на городской площади, Покровскую и Пятницкую церкви, Воскресенский собор в крепости. О бывшем Троице-Сергиевом монастыре в отчете осталась лишь короткая запись: «интересна восьмигранная колокольня с типичным для Великих Лук колоколообразным верхом. Сближается с архитектурными памятниками Витебска и Вильны».

Иллюстрацией к этим словам служит замечательная фотография, которую сделала С.В. Олсуфьева. На ней изображена верхняя часть монастырской колокольни с установленной пятиконечной звездой – символом новой власти. Сегодня этот снимок хранится в научно-исследовательском музее архитектуры им. А.В. Щусева.

Печально осознавать, но по итогам экспедиции 1933 года в каждом из древних городов, кроме Великих Лук, нашлись реликвии, которые относились к особо ценным предметам искусства. За время гонений осталась нетронутой даже икона Одигитрии XIII века из Корсунско-Богородицкого собора в Торопце.

Возникает ощущение, что власть предержащая намеренно глумилась над нашим городом и его святынями, пытаясь всеми силами прервать нить духовной преемственности.

Не случайно вместе с символами живой веры в 1929 году было уничтожено и кладбище Сергиевского монастыря. Но для нас его история ценна и заслуживает отдельного внимания.

И.М. Пульхеров отмечал, что изначально могилы иноков располагались под храмом Святой Троицы. Позже захоронения стали производиться рядом с главной монастырской церковью. В своей рукописи Иван Михайлович указывал: «Кругом святых алтарей соборной церкви рассыпано несколько зерен пшеницы небесной: могила отца архимандрита Нифонта, игуменьи Каллисфении, склепы фамилий: Дураковского, Пущиных, Дмитриева, Титова, Лаптева и еще 5-6 других – с простым деревянным крестом, а многие с плитой (у Пущиных только порядочный памятник)…»

Здесь же в 1893 году был похоронен схимонах Антоний. Перед разрушением кладбища родственники и почитатели пытались спасти останки, перезахоронив их в д. Зенцы Насвинского района. Однако бездушная чиновничья система тоталитаризма выиграла «стычку местного значения», и прах крючского подвижника остался на территории бывшего монастыря. Едва теперь удастся отыскать следы когда-то чтимой многими православными христианами могилы. Наверняка были захоронения и других подвижников, имена которых не забыты Богом.

В архивных документах указывается, что в начале XX века некрополь составлял часть монастырского комплекса: «При монастыре имеется кладбище, в 1899 году расширенное вокруг главной монастырской церкви. Грунт земли на кладбище песчаный, места для погребения покойников имеются, регулярных дорожек две: одна по направлению от главной церкви к Предтеченской, а другая – между церковью и трапезным домом <…>. На кладбище растут деревья, а особенно много кустов сирени, с двух сторон кладбища окружают монастырские стены, обнесенные в 1899 году деревянными решетками между кирпичными столбами, утвержденными на крепком фундаменте, вышиною один аршин от земли, сама же решетка со столбами один сажень, устроено двое кирпичных ворот, одни с восточной стороны кладбища, а другие – с северной, служащие защитою и украшением монастырского кладбища.

Таким образом, к началу 30-х годов XX века исчез последний приют праведников, исчезала, казалось бы, и память о нем. Как ни вспомнить печальные строки поэта-фронтовика Михаила Дудина:

И тоска мою душу гнетет,
И осенние никнут растенья,
И по мрамору листья метет
Оскорбительный ветер забвенья.

«ЛАМПАД БЛАЖЕННЫЕ ОГНИ…»

Закрытие монастырей в Великих Луках стало тяжелым испытанием для прихожан и монашествующих. Населению было предложено организовывать коллективные хозяйства и в этих условиях каждая монастырская община по мере возможности пыталась сохранить верность иноческому уставу. Ярким примером беззаветного служения были сестры бывшего Вознесенского монастыря, которые сразу же организовали трудовую артель в д. Баландино и попытались приспособиться к новым реалиям.

Братия Троице-Сергиевой обители также хотели наладить свой быт в соответствии с требованиями советской сласти, при этом, не забывая о словах Господа: «Все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте…» (Мф, 23:3).

Еще в 1918 году попечители великолукского мужского монастыря и жители Сергиевской Слободы (И. Стражев, Д. Попанов, А. Брюсов, И. Майоров, К. Жданов, и Г. Зубарев) обратились в уездный земельный отдел с просьбой разрешить братии обрабатывать монастырские земли вдоль р. Коломенки и покосы за р. Ловать собственным трудом, поскольку эти участки, находящиеся в аренде, являлись единственным источником пропитания для монахов.

Арендатором значился некто Евтихий Алексеевич Берников, отличавшийся своеобразной преданностью Сергиевскому монастырю. В Великие Луки он переехал из Калужской области в 1906 году и сразу стал активно заниматься сельским хозяйством (именно ему прежний настоятель о. Аркадий передал права на монастырские наделы). После революции он возглавил «Артель профессиональных огородников», члены которой вместе с семьями проживали на территории обители. Позже он работал огородником-инструктором в Латышской сельскохозяйственной коммуне «Безбожник», которая также располагалась в монастыре. Одно время он даже входил в состав Горсовета, однако в марте 1929 года был лишен избирательных прав как предприниматель, использовавший наемный труд. Так или иначе в условиях повсеместной разрухи артели Е.А. Берникова принадлежала большая часть монастырских земель и даже часть огородов в районе Казанской церкви.

Наконец, в 1919 году была организована «Трудовая артель Троице-Сергиева монастыря», куда входили 17 едоков. Среди них числились: иеромонах Феодосий (Десницкий), иеромонах Тихон, иеродиаконы Сергий, Иоанн, и Григорий, В. Журавлев, П. Сергеев. На выделенных землях располагались огороды для выращивания картофеля, кормовой свеклы, огурцов и капусты. Значительная часть урожая отпускалась на нужды различных учреждений (гор. милиции, столовой и отделу коммунального хозяйства), а оставшиеся продукты составляли скромную трапезу насельников. Вероятно, полуголодное существование и происки властей сделали коллективный труд невозможным, поскольку уже к 1920 году монастырская артель исчезает из официальных списков городских и уездных обществ. Между тем в августе 1920 года регистрируется сельскохозяйственный коллектив «Сергиевская слобода» под председательством Федора Ивановича Жданова, в которую вошли 11 местных семей. В основном это были люди, неравнодушные к судьбе монастыря, поскольку кто-то выступал в роли попечителя, кто-то представлял церковную общину. Таким образом, создание новой артели, помимо основной своей цели, могло стать одним из способов поддержки монастырской братии.

Что же нам известно о последних насельниках древней великолукской обители? На данный момент мы располагаем крайне скудными сведениями, которые все же помогают возродить память о преемниках святого Мартирия Зеленецкого на великолукской земле.

Нам известны два списка братии Сергиевского монастыря накануне его закрытия – 1923 и 1924 годов. Согласно этим документам, в монастыре оставались: Платон Александрович Десницкий, Иван Игнатьевич Розанов, Семён Васильевич Барсуков, Пётр Дмитриевич Синягин, Иосиф Петрович Петров и Иван Васильевич Зажогин.

(Продолжение на стр. 8)

ВЕЛИКОЛУКСКАЯ СВЕЧА ПРЕПОДОБНОГО МАРТИРИЯ

(Продолжение. Начало на стр. 5, 6, 7)

Особую ценность представляют краткие анкетные сведения, которые помогают провести весьма интересные биографические наблюдения.

Например, малой родиной Ивана Розанова (о. Саввы) был погост Черницкий Опочецкого уезда. Там же до революции в церкви Покрова Пресвятой Богородицы настоятелем служил местный священник Георгий Григорьевич Розанов, чей сын Василий впоследствии был включен в Собор Псковских святых (Собор новомучеников и исповедников Российских) как священномученик Василий Черницкий (22.VI.1872 – 27.XI.1937).

Последний настоятель обители о. Феодосий, в миру – Платон Десницкий, родился 29 апреля 1870 года в семье священника Александра Павловича Десницкого (1844 г.) и Марии Игнатьевой. Его малой родиной был погост Хвойно Опочецкого уезда. Проводя исторические параллели, хочется отметить, что еще в XVII веке здесь находился Николаевский-Хвоинский или Хвощинский мужской монастырь, который одно время был приписан к Троице-Сергиеву монастырю в Великих Луках.

Отец будущего инока Феодосия с 1865 г. служил в родном погосте, был рукоположен в сан дьякона. В 1891 г. возведен в сан священника и направлен в погост Ваулино. С первых лет своего служения на духовной ниве Александр Десницкий одновременно состоял законоучителем в церковно-приходских школах. За благотворительное отношение к сиротам епархиальным начальством священнику выражалась благодарность. За отличное поведение, добросовестное исполнение обязанностей, труды по народному образованию ему неоднократно преподано архипастырское благословение, награжден набедренником и камилавкой.

В 1927 году, уже будучи в преклонном возрасте, священник о. Александр служил в Ваулинской религиозной общине недалеко от родной деревни и даже имел небольшое хозяйство.

В свою очередь, жизненный путь его сына – Платона Десницкого, оказался более драматичным. Уже с двадцати лет он подвизался в Троице-Сергиевом монастыре, где и принял монашество в 1899 году.

По одним документам, о. Феодосий числился монахом до 1925 года, и только в 1926 г. стал священником Образской церкви в п. Максимово Великолукского уезда. Однако есть сведения, что он служил в этом храме уже в октябре 1924 г. Сама церковь была построена на месте сгоревшего деревянного здания в 1804 году на средства помещика Фёдора Яковлевича Голенищева-Кутузова. В церкви имелось три престола: во имя Нерукотворного образа Спасителя, Живоносного Источника Пресвятой Богородицы, а также Знамения Божией Матери.

Примечательно, что там же хранилась икона святого Феодосия Черниговского, сооруженная 14 июля 1897 года на пожертвования причта и прихожан в память коронования государя императора Николая II Александровича и императрицы Александры Фёдоровны. Как и в случае с иконой для мужского монастыря, привезенной в 1899 г., этот образ был освящен в Чернигове на раке с мощами святого.

О пастырском служении о. Феодосия (Десницкого) известно крайне мало. На тот момент он был единственным священником в храме, если не считать псаломщика – Семёна Михайловича Колосова. Между тем Максимовская православная группа насчитывала 980 прихожан. Данный факт весьма показателен для времени, когда каждый верующий находился под пристальным вниманием государственных органов. Чтобы понять абсурдность и трагизм ситуации, в которой верующие приравнивались к преступникам, достаточно привести два примера. В распоряжении местного исполкома от 4.III.1924 г. говорилось: «Регистрация как функционирующих, так и вновь возникающих религиозных общин ведется управлением милиции, куда и должны представляться верующими все требуемые сведения», кроме того, для совершения крестных ходов и молебнов вне церковной ограды требовались специальные разрешения, которые оплачивались гербовым сбором по 1 рублю.

Сошлемся также на циркуляр НКО и НКВД от 3.XI.1923 г.: «Верующие в числе менее 20 человек могут собираться на молитвенные собрания на дому и в частном порядке, извещая Губернский Отдел и Уездное Управление Милиции по месту собрания о времени и месте собрания».

В конечном итоге можно говорить о духовной силе и несомненном авторитете священника из бывшего великолукского монастыря. Тем более что он оставался верным монашеским обетам. Будучи лишенным избирательных прав как служитель культа, о. Феодосий фактически не имел личного имущества и возможности трудиться где-либо помимо церкви. По-видимому, перед местными властями ему приходилось демонстрировать внешнюю покорность и идти на некоторые компромиссы. Об этом свидетельствует короткая выдержка из характеристики: «…служил для куска хлеба и легкого заработка, и сам почти что не верил в эту службу». На деле подобное замечание нельзя считать объективным.

Как оказалось, монахини из бывшего Вознесенского монастыря после закрытия церкви при Баландинской артели вошли в Максимовскую религиозную общину, участвовали в церковных таинствах и богослужениях, пели в церковном хоре. Как отмечали недоброжелатели: «…в Баландино не ведется никакого коммунистического строя, кроме старого монастырского монашеского рабства… и члены артели не знают, что такое советская власть».

Также нам известно, что в 1926 году на праздник Крещения Господня церковный Совет Спасообразской церкви согласовал проведение крестного хода и освящения воды.

Оказывается, настоятель Сергиева монастыря о. Феодосий все-таки верил в свое служение и всячески пытался сохранить свет великолукского монашества, намеренно приглушаемый богоборческой властью. Очевидно, что подобное проявление духовной свободы не могло оставаться незамеченным, и врагам Церкви пришлось пойти на крайние меры – 5 апреля 1931 года Платон Десницкий был арестован по сфабрикованному делу епископа Тихона (Рождественского) и вымышленной контрреволюционной организации «Усиление Христианского Движения». Затем последовал приговор о высылке в Казахстан сроком на 3 года, после чего следы о. Феодосия теряются.

Поклонный крест на месте разрушенной Церкви Нерукотворного образа Господа Иисуса Христа, д. Максимово (Великолукский район)

Также в 1931 году был арестован и отправлен в ссылку о. Сергий (Семен Барсуков) – уроженец д. Переслегино Великолукского района, который подвизался в обители с 1913 года.

Жестокая участь постигла монастырского священника иеродиакона Иоанна (Иосифа Петрова). По отдельным источникам удалось узнать, что он родился в 1878 году, происходил из крестьян д. Мураны Островского уезда Псковской губернии. В великолукский монастырь поступает в 1902 году как вольнонаемный послушник и только через 6 лет принимается в штат.

Из послужного списка братии следует, что к 1910 году И. Петров уже был пострижен в монашество и имел весьма достойную характеристику: «поведения очень хорошего и к послушанию рачителен».

Скорее всего, после закрытия монастырских храмов о. Иоанн был вынужден вернуться в родную деревню. По крайней мере, там он находился 10 августа 1937 г., когда особая тройка при УНКВД по Ленинградской обл. приговорила его к высшей мере наказания. Буквально через месяц – в День Усекновения Главы Иоанна Предтечи, – пожилой священник был расстрелян.

К сожалению, не так много известно о Петре Синягине, который был родом из Севского уезда Орловской губернии. Судя по анкетным данным, к середине 20-х гг. он был уже преклонного возраста. В свое время окончил миссионерские курсы при Казанской духовной академии и принял постриг с именем Григорий. В великолукском монастыре числился иеродиаконом.

Интересной оказалась личность о. Сергия, в миру – Ивана Зажогина. Его иноческий путь, полный противоречий, напоминает нам о том, что все мы немощны и только Господь может утвердить нас на пути спасения.

Иван Васильевич Зажогин родился в 1873 году в д. Сергиевская Слобода. После окончания сельской школы увольняется из крестьян и в начале 1896 года поступает послушником в Великолукский Троице-Сергиев монастырь, однако вскоре он попадает в земскую больницу с диагнозом «умопомешательство». После лечения Указом Псковской Духовной Консистории переводится в Торопецкий Троице-Небин монастырь, где и принимает постриг 20 октября 1898 г. Спустя несколько месяцев о. Сергий был рукоположен в иеродиакона. К сожалению, вскоре его вновь определяют в больницу для душевнобольных, откуда он возвращается только в 1902 году. С этого времени он исправно несет послушания, служит в храме и получает положенные ему средства; следует отметить, что братию обычно лишали дохода за нетрезвую жизнь или самовольные отлучки. Потом происходит что-то необъяснимое – после 1906 года о. Сергий исчезает из Троице-Небина монастыря, хотя даже выбывшим из обители какое-то время выделялись небольшие суммы. Каких-либо свидетельств о его переводе в другой монастырь также найти не удалось. Не было его и в Сергиевском монастыре по спискам 1913 года.

Только после революции иеродиакон Сергий вновь оказывается в Великих Луках под началом о. Феодосия, и можно сказать, что он уже не покидал стены родной обители, продолжая нести крест русского иночества в этот сложный период. Его дальнейшая судьба оказалась неизвестной, однако, собирая материал, мы то и дело находили упоминания о многочисленных родственниках о. Сергия. Так, Фёдор Иванович Зажогин состоял в церковной общине Троице-Сергиева монастыря, члены которой в 20-е годы XX века пытались не допустить закрытия монастырских храмов.

Нельзя не вспомнить и о Марии Васильевне Зажогиной, которая родилась в Сергиевской Слободе в 1876 году. Состояла в числе послушниц Вознесенского женского монастыря с 19 августа 1898 года.

После закрытия обители проживала на Краснофлотской набережной Великих Лук, была лишена избирательных прав. По неизвестным причинам, инокиня Мария не состояла в Баландинской трудовой артели, как большинство сестер и послушниц. Тем не менее тот факт, что в 1931 году после обвинения в контрреволюционной деятельности М.В. Зажогина была отправлена в ссылку, говорит о ее подвижническом пути.

Обратимся еще к одному великолукскому иноку, пострадавшему за веру. В ранее представленных списках не оказалось о. Доната, который был зачислен в состав братии Великолукского Сергиевского монастыря в 1920 г. Архивные документы не раскрывают его мирское имя, однако, сопоставив различные источники, рискнем предположить, что его звали Дмитрий Вишняков. Он родился в 1878 году в пригороде Красный Опочецкого уезда. Монашество принял в Алексеевском монастыре (г. Рига), там же был рукоположен в иеродиакона. С 1918 по 1920 гг. служил в Рязанской епархии, после чего находился в великолукском мужском монастыре и исполнял обязанности псаломщика при Троицкой церкви на городской площади.

В мае 1921 года он становится дьяконом Воскресенского собора. Проживал в Новой Слободе, имущества не имел. Епископ Псковский и Порховский Варлаам, незадолго до своего ареста в 1924 году, представил о. Доната к архипастырскому благословению. Сам же Дмитрий Вишняков был арестован 19 марта 1931 года и приговорен к ссылке.

По словам преподобного Паисия Святогорца, само присутствие христианина уже является исповеданием веры. Время от времени каждый верующий человек убеждается в справедливости этой мысли, и тогда наступает момент истины. Подвиг великолукских исповедников состоял в том, что, несмотря на откровенную жестокость и пугающие гримасы изменчивого мира, они до последнего сохраняли свое присутствие в нем – монахи, лишенные своих келий, не оставляли молитвы и послушания, священники искали любую возможность проповедовать и совершать церковные таинства, прихожане боролись за местные святыни.

В этой общей непрерывной работе готовилась закваска для будущих поколений – исключительный пример духовной стойкости и веры. Как радостно и спокойно должно быть нам – живущим на земле, пока мы видим эти «блаженные огни лампад», побеждающие тьму.

НА ПЕРЕДОВОЙ

Нередко на смену одним испытаниям приходят другие. Тяжелой искупительной жертвой явилась для многострадального русского народа Великая Отечественная война.

Беда ворвалась в наш город в июле 1941 года, когда Великие Луки впервые подверглись воздушному удару. Выгодное положение Троице-Сергиева монастыря на высоком берегу реки вновь делало его частью оборонительных сооружений и местом жестокого противостояния. В июле-августе 1941 года этот район удерживали части народного ополчения и подразделения 22-й армии в составе 29-го стрелкового корпуса под командованием майора А.Г. Самохина.

Несмотря на ожесточенное сопротивление, немецким войскам все же удалось окончательно занять Великие Луки 25 августа 1941 года. Для города на Ловати фашистская оккупация – трагическое и страшное время: концлагеря, угон населения на принудительные работы в Германию, постоянные издевательства и насилие. Оставшиеся в живых великолучане с нетерпением ждали освобождения.

Достоверных сведений о том, как использовался монастырь в этот период, обнаружить не удалось. Уже к началу 1942 года немецкому командованию стало ясно, что за Великие Луки придется сражаться вновь. Из архивных документов следует, что с января «немцы систематически укрепляли город, производили инженерно-фортификационные работы, возводили оборонительные сооружения».

Постройки бывшего Сергиевского монастыря также были приспособлены под военные цели. Разведчик Г.А. Иванов вспоминал, что к сентябрю 1942 года в монастыре имелись пулеметные гнезда и бойницы, на границе с Сергиевской Слободой располагался пост часовых, а сама деревня была сожжена для лучшего обзора местности. Беспокоясь о надежности линии обороны города, 7 ноября 1942 года командир 83-й пехотной дивизии вермахта Шерер вместе с Э. фон Зассом занялся осмотром опорных пунктов, и сразу же дал указания на значительное их укрепление. Впоследствии битве за «монастырский городок» в Сергиевской Слободе было суждено стать одним из славных эпизодов военной истории.

24 ноября по церковному календарю отмечается день памяти преподобного Мартирия Зеленецкого и Великолукского Чудотворца. Скорее всего, в 1942 году никто не придавал этому значения, поскольку ранее почитаемый святой был незаслуженно забыт. Однако именно на эту дату была назначена Великолукская наступательная операция. Очевидно, что командование не задумывалось над соблюдением религиозных традиций, и тем ценнее было промыслительное участие нашего земляка и небесного заступника в судьбе города.

Именно в этот день войска 3-й ударной армии (3 УА) начали разведку боем, приблизившись к передовым позициям гитлеровцев, но вклиниться в оборону не смогли: перед началом операции была недостаточно изучена система обороны врага. Между тем она представляла собой цепь хорошо укрепленных опорных пунктов с ходами сообщений, огневыми точками и блиндажами.

В отчете боевых действий указывалось, что войска вермахта обороняли бывший Сергиевский монастырь подразделениями 336-го охранного батальона с приданными средствами общей численностью до 450 солдат. Перед передним краем обороны имелось проволочное заграждение, спираль Бруно и МПЗ. 150 метров северо-западнее монастыря имелось противотанковое минное поле.

Операцию советского командования по захвату монастырской крепости и прилегающей территории можно условно разделить на два этапа. Изначально предполагалось силами штурмовых отрядов овладеть Сергиевской слободой, а затем развивать наступление, освобождая кварталы и здания вдоль набережной реки Ловать.

Заметим, что именно здесь – на окраине нашего города – советским командованием была впервые опробована тактика действия штурмовых отрядов. Эти соединения формировались в каждом стрелковом батальоне и включали в себя: пулеметчиков, стрелков, саперов, минометчиков, артиллеристов и ампулометчиков. Кроме того, сюда входили группы разведки, штурма, обеспечения, закрепления и резерва.

(Окончание следует)